ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП
2026–2027 УЧЕБНЫЙ ГОД
10 КЛАСС

Максимальное время выполнения заданий: 270 мин.
Максимальное количество набранных баллов: 100.
Пользоваться можно: бумага, ручка.

I тур.

Аналитическое задание **(*на выбор: анализ либо прозаического, либо поэтического текста*)**

1. Выполните целостный анализ рассказа В.М. Шукшина (1929–1974) «Рыжий». Обратите внимание на заглавие, композицию, финальный вывод героя-рассказчика.

Рыжий

Давно-давно это было! Так давно, что и вспоминать неохота, когда это было. Это было давно и прекрасно. Весна была – вот что стоит в памяти, как будто это было вчера.

Ехал я по Чуйскому тракту из Онгудая домой, в Сростки. В Онгудае я жил с месяц у дяди Павла, крестного моего, бухгалтера… Была такая у нас с мамой весьма нелепая попытка: не выучиться ли мне на бухгалтера? Стало быть, мне лет 12–13, потому что когда мне стало 14, нас обуяла другая мысль: выучиться мне на автомеханика. Нас с мамой постоянно тревожила мысль: на кого бы мне выучиться?

Насчет бухгалтера ничего не вышло: крестный отказался учить. Я этому очень обрадовался, потому что хотел сам сбежать домой… Почему-то я очень любил свою деревню. Пожил с месяц на стороне и прямо измучился: деревня снится, дом родной, мать… Тревожно на душе, нехорошо.

И вот ехал домой. Сердце петухом поет – славно! Я знал: ругать меня не за что (бухгалтерия совершенно искренне не полезла в голову, о чем крестный и писал маме, и я это письмо вез), а скоро будет – из-за горы откроется – моя деревня.

Из Онгудая к Сросткам – это ехать с гор, вниз, в предгорье, километров триста. Крестный в Онгудае посадил меня на ЗИС-5 к рыжему шоферу, заранее отдал деньги – и я ехал себе. Путь-то вон какой!.. От одной езды сердце замирало от радости. А тут мы еще где-то останавливались на ночевку, в какой-то избе, я спал на просторных полатях, где пахло овчиной, мукой и луком, слушал всякие разговоры внизу… Люблю слушать чужие разговоры, всегда любил. Слушал-слушал и уснул. А утром, чуть свет, меня разбудил мой рыжий шофер, и мы поехали по свежачку. Я зевал, рыжий тоже позевывал… Было ему лет тридцать, крепкий, весь рыжий-рыжий, а глаза голубые. В дороге он все время молчал. Только зевнет, смешно заматерится – протяжно как-то, нараспев – и опять молчит. А я себе смотрел во все глаза, как яснеет, летит навстречу нам огромный, распахнутый, горный день… Ах, и прекрасно же ехать! И прекрасна моя родина – Алтай: как бываю там, так вроде поднимаюсь несколько к небесам. Горы, горы, а простор такой, что душу ломит. Какая-то редкая, первозданная красота. Описывать ее бесполезно, ею и надышаться-то нельзя: все мало, все смотрел бы и дышал бы этим простором. И не пугали

меня никогда эти горы, хоть наверху на них – голо, снег… Мне милее пашня, но не ровная долина, а с увалами, с гривами, с откосами. Но и горы, и снег этот на вершинах, когда внизу зелено, – никогда чуждыми не были, а только еще милей и теплей здесь, внизу.

Едем…

Навстречу нам такой же грузовичок ЗИС-5 (их потом, когда они уже уходили из жизни, ласково звали «Захар» или «Захарыч», они славно поработали). Рыжий чуть отклонился на тракте правее, а тот, встречный, дует посередке почти… Рыжий несколько встревожился, еще поджался правее, к самой бровке, а встречный – нахально посередке. Рыжий удивленно уставился вперед… Я от его взгляда и встревожился-то: я сперва не понял, что нам грозит опасность. А опасность летела навстречу нам… Рыжий сбавил скорость и неотступным, немигающим, оцепенелым каким-то взглядом следил, как приближается этот встречный дурак. Тот – перед самым носом у нас – свильнул, но все равно нас крепко толкнуло, и раздался омерзительный, жуткий треск…

Я больше испугался этого треска, чем толчка, до сих пор помню этот треск: резкий, сухой, мгновенный… Как-то от него, от этого треска, толкнулось в сознании, что беда, может, смерть… Но тут же все пронеслось – ни смерти, ни беды большой. Рыжий остановился, вылез из кабины… И я тоже вылез. У нас – со стороны руля – отворотило угол кузова, причем угол, который у кабины. Тот, видно, задком шваркнул нас, и ему меньше досталось, потому что для него это получилось – на прощание, с потягом, а для нас удар – встречный: угла как не бывало, верхнего. Тот, видно, крюками саданул, какими борт захлестывается. Мы посмотрели вслед этому полудурку – тот себе катит как ни в чем не бывало. Рыжий быстро вскочил в кабину… Крикнул мне: «Садись!» Я мигом очутился в кабине… Рыжий развернулся и помчался вдогон тому, который ни с того ни с сего угостил нас. Вот мы летели-то!.. Рыжий опять неотступно, не мигая – вообще-то страшновато – смотрел вперед, чуть склонился к рулю. И страшновато, и красиво – я смотрел то на рыжего, то на машину впереди. Расстояние между машинами сокращалось. Рыжий не сказал ни слова… Он только раз или два пошевелился от нетерпения. Я понял, что он хочет сделать, тоже припечатать этому, кузовом же, я слышал, так делают шоферы: за нахальство и наглость. Но когда мы догоняли, я вдруг вспомнил, что там же их в кабине двое сидело, два мужика. Я сказал рыжему:

– Их там двое…

Рыжий чуть шевельнул головой на мой голос, но как смотрел вперед, так и смотрел, скорости не сбавил… Он, конечно, услышал мои слова, но я не увидел, чтобы он о чем-нибудь таком подумал, кроме как: во что бы то ни стало догнать.

Это и было в его взгляде, во всей его склоненной фигуре – догнать. Его нетерпение и мне передалось, я тоже вцепился в ручку дверцы и тоже весь напружинился – тоже вдруг всего целиком охватило одно единое желание: скорей догнать и шваркнуть.

Тот по-прежнему чухал серединой тракта… Мы повисли у него на задке, рыжий стал гудеть, прося дороги. Он еще раз пошевелился, последний раз, глотнул… И гудел, и гудел беспрерывно. Синие глаза его прямо полыхали нетерпением, кричали прямо… Горели ясным синим огнем. Он слился с рулем, правым локтем придавил этот большой черный пупок сигнала – и гудел, и гудел.

Долго тот не давал нам дороги… Наконец, видим, пошел уклоняться вправо. Рыжий прямо лег на руль… И мы стали медленно их обходить. Рядом со мной – близко, рукой можно достать – прыгал враждебный нам кузов… И он, качаясь и подпрыгивая, тихонько отставал и отставал… Я уже стал видеть лицо того нахала: молодой тоже,

моложе рыжего, скуластый, в серой фуражке… Покосился на нас, несколько назад… Потом мы с ним сравнялись, я-то вовсе рядом оказался. Сердце мое как будто кто в кулаке сжал… Тот, в фуражке, посмотрел на нас, скорей так: через меня на рыжего… И я понял, что он не узнал, что именно нам он сделал такую бяку. Я поразительно близко видел его лицо: широкое, в скулах, никакое не злое, несколько даже курносое… Он, по-моему, досадовал и несколько был удивлен, что его обгоняют – и только. Никак уж, наверно, не ждал он, что его догнала расплата за его хулиганство.

Мы стали уже обходить ЗИС, этот, в кепке, уже остался чуть сзади. Их, правда, двое было в кабине, но второго я совершенно не помню – я его, наверно, не видел: до того интересно было смотреть на скуластого.

Мы почти обогнали, ехали серединой… И тут рыжий сделал так: дал вправо, потом резко влево и тормознул. Нас кинуло вперед… Опять этот ужасный треск… Опять мимо пронеслось нечто темное, жуткое, обдав грохотом беды и смерти… И мы стали вовсе: рыжий подрулил вправо к обочине, как и положено, взял длинную заводную ручку и вылез из кабины. Но тот, с висячим уже бортом, не остановился. Рыжий подождал-подождал, залез опять в кабину, развернулся, и мы поехали своей дорогой. Рыжий был спокоен, ничего не сказал по поводу того, что… Он ехал и ехал. Пару раз выглядывал из кабины и смотрел коротко на искореженный угол борта.

Я же почему-то принялся думать так: нет, жить надо серьезно, надо глубоко и по-настоящему жить – серьезно. Я очень уважал рыжего.

С тех пор я нет-нет ловлю себя на том, что присматриваюсь к рыжим: какой-то это особенный народ, со своей какой-то затаенной, серьезной глубинкой в душе… Очень они мне нравятся. Не все, конечно, но вот такие вот – молчаливые, спокойные, настырные… Такого не враз сшибешь. И зубы ему не заговоришь – он свое сделает.

1974

2. Выполните целостный анализ стихотворения А.А. Тарковского (1907–1989). Обратите внимание на композицию, стилистические особенности произведения (например, анафоры), тему соответствия мира природы и человеческого мира, поэтическую рефлексию лирического героя.

Я учился траве, раскрывая тетрадь,
И трава начинала как флейта звучать.
Я ловил соответствия звука и цвета,
И когда запевала свой гимн стрекоза,
Меж зеленых ладов проходя, как комета,
Я-то знал, что любая росинка – слеза.
Знал, что в каждой фасетке огромного ока,
В каждой радуге ярко стрекочущих крыл
Обитает горящее слово пророка,
И Адамову тайну я чудом открыл.

Я любил свой мучительный труд, эту кладку
Слов, скрепленных их собственным светом,
загадку
Смутных чувств и простую разгадку ума,

В слове *правда* мне виделась правда сама,
Был язык мой правдив, как спектральный анализ,
А слова у меня под ногами валялись.

И еще я скажу: собеседник мой прав,
В четверть шума я слышал, в полсвета я видел,
Но зато не унизил ни близких, ни трав,
Равнодушием отчей земли не обидел,
И пока на земле я работал, приняв
Дар студеной воды и пахучего хлеба,
Надо мною стояло бездонное небо,
Звезды падали мне на рукав.

1956

II тур
Творческое задание.

Создайте концепцию онлайн-карты по одному из произведений русской литературы XIX–XX вв. Отметьте на карте 3–4 ключевых художественных локуса, которые имеют важное значение для сюжета произведения и судеб героев.

Для каждого из этих мест в интерактивном режиме должна быть доступна одна из перечисленных ниже характеристик (на Ваш выбор):

– краткая аннотация (что происходит в этом месте и почему оно важно для героя / героев и/или для развития сюжета);

– фрагменты произведения, связанные с этим местом;

– визуальный образ (как Вы представляете это место – можно описать словами, как если бы Вы подбирали иллюстрацию к произведению);

– возможность оставить «отзыв» от лица одного из героев (что бы он сказал об этом месте, какие воспоминания и мысли оно у него вызывает).

Предложите логически выстроенный маршрут между локусами, который позволил бы лучше понять развитие сюжета и внутренний мир персонажей, их судьбы. Определите, в каком «режиме» будет построена Ваша карта: выберите один из вариантов или предложите свой.

– «Маршрут героя»: путешествие по следам одного персонажа, отражающее его внутреннюю эволюцию.

– «Тематический маршрут»: локусы объединены лейтмотивом или темой.

– «Хронологический маршрут»: движение от начала к финалу.

Объясните, почему Ваша карта может быть полезна для читателей, как она может помочь в процессе интерпретации произведения. Рекомендуемый объем: не менее 250 слов.